

ЦИКЛ: ТЕОГОМ

ТИШИНА

Роман Толмачев

18+

Роман Толмачев

Тишина

<https://litres.ru/73915814>

SelfPub; 2026

Аннотация

На умирающей планете Ланоксар за свет платят кровью, за воздух — верностью, а за дар телепатии — рассудком. Рэй, известная как Голос бокров, восемь лет живет в аду чужих мыслей. Она слышит всё: грязные секреты офицеров, предсмертные хрипы врагов и кошмары четырёх тысяч обитателей подземной базы. Для неё тишина — единственная мечта.

Всё меняется, когда в плен попадает Кай.

Он — солдат враждебного клана куздров, но его разум для Рэй — абсолютная, звенящая пустота. Рядом с ним ментальный шум затихает, позволяя просто дышать. Кай становится для неё спасением и опасной зависимостью, которую она вынуждена скрывать от своих.

Но почему обычный рядовой неуязвим для сильнейшего телепата планеты? Что скрывается за этой благодатной тишиной? Пока кланы ведут войну за древний артефакт, Рэй предстоит решить: остаться верным оружием в руках клана или рискнуть всем ради человека, которого она не может прочитать.

Первая книга цикла «Теогон».

Содержание

ГЛАВА 1. ГОЛОСА	5
ГЛАВА 2. ЗАПАДНЯ	12
ГЛАВА 3. НУЛЕВОЙ СИГНАЛ	26
ГЛАВА 4. ДОПРОС	38
ГЛАВА 5. РЯДОВОЙ	51
ГЛАВА 6. ОТЕЦ	60
ГЛАВА 7. СЛОВА ВМЕСТО МЫСЛЕЙ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роман Толмачев

Тишина

*«Чтобы расслышать голос Бога,
нужно заставить замолчать людей.
Тишина — это не отсутствие звука.
Это пустота, которую Он готов заполнить»
— Из Гномоникона,
Глава о Сосуде*

Цикл — Теогон

Книга 1 — Тишина

ГЛАВА 1. ГОЛОСА

Тишина. Для большинства людей это слово означало отсутствие звуков. Для Рэй же тишина была недостижимым мифом.

Она открыла глаза в темноте узкой каюты и сразу крепко зажмурилась. В основание черепа словно вбили горячий гвоздь. База просыпалась, и вместе с гулом подземных генераторов в голову хлынул шум.

«Опять фильтры забились. Дышать нечем», — чужая мысль резанула по вискам, дублируя скрежет труб за стеной.

«Нога ноет, сменить бы повязку», — глухо отозвалось сознание соседа из смежного отсека.

Рэй не просто слышала эти слова. Телепатия приносила их вместе с ощущениями: сухостью в чужом горле, тупой пульсацией в чужом колене. Она спустила босые ноги на ледяной металлический пол, втягивая ноздрями спёртый воздух каюты. Пахло нагретым металлом и застарелым потом.

Рэй натянула грубые штаны, влезла в потёртые ботинки с растрескавшейся кожей на носках. Застегнула плотную куртку. Привычным движением затянула ремень. База Порог, вырубленная глубоко в скалах планеты Ланоксар, начинала свой суточный цикл. Клан Бокров — четыре тысячи человек, запертых под землёй из-за бесконечных пыльных бурь на поверхности, — жил своей жизнью. И Рэй слышала каж-

дого из них.

Она вышла в коридор. Жёлтые лампы под решётчатым потолком мигали от перепадов напряжения. Рэй шла к командному блоку, глядя прямо перед собой. Навстречу двигались люди: техники в замасленных комбинезонах, пилоты, охранники. Все они старались отвести взгляд, когда она проходила мимо.

Девушка с гаечным ключом прижалась к стене, пропуская Рэй.

«Вчерашняя похлёбка отдавала кислятиной, — пронеслось в голове техника. — Идёт. Голос клана. Главное не смотреть на неё. Главное ни о чём таком не думать».

Рэй прикусила внутреннюю сторону щеки. Люди Ланоксара думали громко. Их страхи, бытовая грязь, мелкая зависть и расчёты липли к ней, как мокрая пыль. Она давно научилась не реагировать на это внешне, но выключить поток было невозможно. Телепатия работала как открытый микрофон, собирающий фонащий шум со всей базы.

Дверь в отсек Хакса была приоткрыта.

Старый наставник сидел за поцарапанным металлическим столом. Его левая рука, собранная из грубых поршней и потускневших шарниров, неподвижно лежала на столешнице. Правой он наливал в кружку прозрачную жидкость из армейской фляги. Резко запахло сивушным спиртом.

Рэй вошла и остановилась у стола. Хакс поднял глаза. Седая щетина на его подбородке блестела в свете настольной

лампы.

«Хуже выглядит, чем вчера. Бледная, тени под глазами», — подумал Хакс, разглядывая её лицо.

Вслух он произнёс другое:

— Пленные в пятом боксе.

— Двое? — Рэй скрестила руки на груди.

— Курьеры. Куздры взяли моду пускать своих людей по нижним ярусам, в обход основных постов. Наши перехватили их у четвёртой шахты.

Хакс сделал большой глоток из кружки. Металлические пальцы левой руки лязгнули по столу, сжимаясь в кулак.

«Спроси про маршруты. Если эти наёмники знают про срез у Сарканского разлома, нам конец», — прозвучала в голове Рэй его чёткая, сформулированная мысль. Хакс давно привык отдавать приказы без слов.

Рэй молча кивнула и вышла из отсека.

В пятом боксе — тесной допросной с голыми бетонными стенами — пахло запёкшейся кровью и кислым страхом. Курьер клана Куздров сидел на металлическом стуле, намертво пристёгнутый ремнями. Лицо в саже, на скуле кровоточила свежая ссадина. Его грудь тяжело вздымалась.

Рэй закрыла за собой тяжёлую дверь, отсекая гул базы. Взяла с полки планшет. Села напротив пленного.

— Точка выхода, — ровным тоном произнесла она.

Пленный дёрнулся. Сплюнул на пол слюну пополам с кровью.

— Пошла ты.

Рэй даже не моргнула. Она смотрела не на его губы, а слушала панику, которая билась внутри его черепа.

«Сектор восемь. Квадрат три, — металось в сознании курьера. — Только бы не сдали связного. Только бы не заговорил второй».

Рэй молча вбила данные в планшет. Экран слабо осветил её лицо в полумраке бокса. Пленный нахмурился, наблюдая за её пальцами.

— Код связного, — так же спокойно потребовала она.

Курьер стиснул зубы. Мышцы на его шее напряглись.

«Молчать. Главное молчать. Они будут резать, будут ломать пальцы. Я выдержу. Код семьдесят один ноль четыре. Молчать».

— Семьдесят один ноль четыре, — монотонно повторила Рэй вслух, внося цифры. — Имя связного.

Пленный замер. Воздух со свистом вырвался из его лёгких. Зрачки расширились, когда он перевёл взгляд с планшета на её серые глаза.

«Ведьма. Это она. Голос бокров. Дьявол. Она у меня в голове».

— Кевин. Ясно, — Рэй продолжила заполнять форму. — Оружие?

«Импульсные винтовки. Два ящика в тайнике», — вырвалось из подсознания пленного помимо его воли. Он попытался зажмуриться, запеть про себя гимн наёмников, пред-

ставить перед глазами белый лист, но для обученного телепата эти блоки были немногим крепче мокрой бумаги.

Она дописала протокол. Бросила планшет на металлический стол. Звук удара заставил курьера вздрогнуть. Мелкая дрожь била его плечи, ремни со скрипом натянулись. Он больше не произнёс ни слова, но Рэй отчётливо чувствовала ужас, заливающий его разум липкой чёрной волной. Ему казалось, что кто-то копошится голыми руками в его внутренностях.

Она встала и вышла из бокса. Толстая дверь отрезала скулёж пленного, но его мысли бились о её затылок ещё несколько десятков метров, пока она шла по коридору.

Голова раскалывалась. Теперь к боли добавилась тошнота.

Рэй миновала жилой ярус. Свернула в технический коридор, куда редко заходили без приказа. Свет здесь был тусклее, воздух прохладнее. Крутая лестница из решётчатого металла уходила глубоко вниз, во тьму. Рэй взялась за ледяные перила и начала спускаться.

Шаг за шагом температура падала. Металлические стены сменились диким, необработанным камнем. Гул генераторов остался далеко наверху. Это был самый нижний уровень Порога. Территория, близкая к Гнезду — древнему артефакту, который для клана Бокров давно стал чем-то большим, чем просто природная аномалия. Это был священный Источник, давший Рэй её способность и таящий в себе тайны былой ци-

визации. Некоторые шептали, что это сердце самой планеты, другие — что это дар Предков или даже Дух древнего божества, но никто не осмеливался оспаривать его силу.

Здесь почти не было людей. Голоса в голове начали стихать. Они превращались из криков в шёпот, из шёпота — в отдалённое бормотание, похожее на шум воды. Рэй дошла до развилки в тоннеле, остановилась и прислонилась спиной к скале. Камень приятно охлаждал лопатки сквозь ткань куртки.

Она медленно выдохнула и закрыла глаза.

На мгновение ей показалось, что наступила тишина. Пустая, прохладная тишина, в которой слышно только собственное сердцебиение. Плечи Рэй опустились, напряжение в шее начало отпускать.

Сверху раздался металлический грохот. Кто-то уронил тяжёлый ящик на настил. Затем послышались шаги. Тяжёлые подошвы били по ступеням. Какой-то техник спускался на нижний ярус для проверки насосов.

«Опять этот клапан течёт. Руки бы оторвать тем, кто его ставил на прошлой неделе», — мысль техника ударила по вискам наотмашь, разрушая покой.

Шум вернулся. Шёпот снова обрёл чёткие слова и интонации. Рэй открыла глаза. Дыхание сбилось.

Она сжала зубы, впиваясь в нижнюю губу. На языке тут же появился солоноватый привкус меди.

Тишины не существовало. Во всяком случае, не на этой

планете.

Рэй оттолкнулась от стены и пошла обратно вверх, навстречу голосам, которым предстояло выпить из неё все силы до конца этого долгого дня.

ГЛАВА 2. ЗАПАДНЯ

Сарканский разлом пах серой и перетёртым в пудру камнем.

Кай шёл третьим в колонне. Тяжёлые армейские ботинки глухо скрежетали по неровному полу тоннеля. Встроенный в шлем фильтр сопел при каждом вдохе, отсекая ядовитую пыль Ланоксара. Отряд из семи наёмников клана Куздров продвигался во тьме, освещая путь только узкими лучами подствольных фонарей.

— Датчик движения молчит, — прохрипел в интеркоме голос сержанта. — Вессар, держи дистанцию. Рико, не отставай.

Кай перехватил импульсную винтовку поудобнее. Рифлёная рукоятка скользила от пота даже сквозь тактические перчатки. Операция классифицировалась как стандартная разведка: пройти южными путями, поставить сканеры, вернуться на базу до начала пыльной бури на поверхности. Ничего сложного.

Но Каю не нравился этот тоннель. Слишком широкий. Слишком много слепых зон за обломками старых опорных конструкций, оставшихся здесь со времён первых колонистов.

Луч фонаря выхватил из мрака ржавую балку, торчащую из потолка.

— До точки установки двести метров, — доложил Вессар, шедший вторым.

Кай скользнул взглядом по правой стене. Там, где монолитный камень должен был переходить в естественный свод, зияла тёмная трещина. Сенсоры на визоре не показывали тепловых аномалий. Куздры полагались на технику. Местные полагались на камни.

— Контакт! Справа! — заорал Рико замыкающим.

Стена не взорвалась — она просто выплюнула из себя огонь.

Первый плазменный разряд ударил в грудь идущего впереди бойца. Керамическая броня лопнула с сухим треском. Запахло горелым мясом и плавленым пластиком. Солдат рухнул на колени, не издав ни звука, и повалился лицом в пыль.

— В укрытие! — рявкнул Вессар, падая за ближайший валун.

Кай бросился на землю за долю секунды до того, как над его головой пронёсся второй сгусток раскалённой плазмы. Воздух мгновенно нагрелся, обжигая лицо сквозь визор. Оглушительный грохот заполнил узкое пространство разлома.

Засада. Бокры ждали их.

Кай перекатился за покорёженную металлическую опору. Выставил ствол винтовки и нажал на спуск, целясь в темноту трещины, откуда били вспышки. Отдача толкнула в плечо.

Синие импульсы ушли в пустоту, высекая фонтаны искр из камня.

Интерком взорвался криками.

— Нас обходят слева!

— Я не вижу их!

— Подавление, дайте подавление!

Слева вспыхнуло. Ещё один наёмник захрипел в эфире, и его маркер на визоре Кая погас. Четверо убитых за первые пятнадцать секунд. Тактика куздров рассыпалась под хаотичным, но плотным перекрёстным огнём местных.

— Отходим! — голос Вессара сорвался на фальцет. — Назад к узкому горлу!

Кай сбросил пустую термокапсулу из винтовки. Загнал новую до щелчка.

— Рико, крою! Давай! — крикнул он в микрофон.

Из темноты вынырнула фигура в серой броне. Рико рванул с места, низко пригибаясь к земле, пытаясь перебежками добраться до укрытия Вессара. Ботинки скользили по каменному крошеву.

Светящийся сгусток ударил ему прямо между лопаток.

Рико упал лицом вниз. Ноги ещё переступали по инерции, скребя подошвами по камню, но тело уже не слушалось. Броня на спине оплавилась, края дыры светились тусклым оранжевым.

Кай рванулся из-за укрытия.

Он не думал. Мышцы работали сами, отточенные годами

тренировок: левой рукой схватил Рико за ляжку нагрудной разгрузки, правой продолжал стрелять в темноту короткими очередями. Винтовка дёргалась, импульсы уходили веером, не прицельно — но ему нужны были не попадания, а секунды. Две-три секунды, пока стрелки бокров пригибают головы.

Он потащил Рико назад. Тело было тяжёлым и безвольным, как мешок с мокрым песком. Подошвы Кая скользили по щебню. Рико хрипел — булькающий, мокрый звук, от которого стягивало кожу на затылке.

Плазменный разряд ударил в стену в полуметре от головы Кая. Каменная крошка брызнула в визор, оставив на стекле белёсые царапины.

— Вессар! Прикрой! — проорал Кай.

Вессар открыл огонь из-за валуна. Вспышки его винтовки выхватывали из мрака силуэты бокров — быстрые, пригнутые, перебегающие от укрытия к укрытию. Их было много. Десять, пятнадцать. Может, больше.

Кай доволол Рико до ниши в стене. Опустил на землю. Перевернул на бок.

Дыра в спине была размером с кулак. Края брони оплавилась внутрь, вплавившись в ткань комбинезона и в то, что было под ним. Пахло палёным мясом и горячим металлом. Рико лежал с открытыми глазами. Зрачки метались из стороны в сторону, не фиксируясь ни на чём.

— Рико. Рико, слышишь меня?

Рико открыл рот. С губ стекла тёмная нитка крови. Он пытался что-то сказать, но из горла вырывался только хрип и пузыри.

Кай зажал рану рукой. Перчатка мгновенно промокла. Он чувствовал, что под перчаткой месиво. Горячее, скользкое. Он давил, зная, что это бесполезно. Плазма прожгла насквозь, повредив и лёгкие, и позвоночник. Полевой аптечки хватило бы на порез, на ожог, на перелом. Не на это.

— Держись. Слышишь? Держись, — Кай говорил ровно, механически. Слова ничего не значили. Они были нужны не Рико, а ему самому.

Рико перестал хрипеть. Зрачки остановились и стали неподвижными, как два тёмных камешка. Тело под руками Кая обмякло окончательно, и он почувствовал, как уходит последнее тепло — быстро, жадно, словно камень вытягивал его из мёртвой плоти.

Кай убрал руку. Посмотрел на перчатку. Липкая. Чёрная, но в свете фонаря, блестящая. От неё было сложно отвести взгляд.

Рико было двадцать два. Внутри его шлема была приклеена фотография — девушка со светлыми волосами, снятая на фоне чего-то зелёного. Парк, сквер, какая-то аллея в центральном мире, где росли настоящие деревья. Кай видел это фото сотни раз в казарме, когда Рико снимал шлем и клал его на койку экраном вверх. Он ни разу не спросил, как зовут ту девушку. Рико ни разу не рассказал.

— Кай! — голос Вессара в интеркоме был сильным. — Кай, он жив?

Кай посмотрел на Рико. На остановившиеся глаза. На тёмную нитку, застывшую на подбородке.

— Нет.

Тишина в эфире. Потом — шипение помех и далёкий грохот обвала где-то в глубине тоннеля.

— Давай ко мне, — сказал Вессар. — Быстро. У меня полкапсулы.

Кай поднялся. Колени тряслись. Не от страха, а от перенапряжения мышц, от рывка, которым он тащил восемьдесят килограммов мёртвого веса по камням. Он перешагнул через тело Рико и побежал к валуну Вессара, пригибаясь так низко, что свободная рука скребла по полу.

Плазменный разряд прошёл над его спиной. Жар лизнул шею.

Кай упал рядом с Вессаром. Перекатился за камень. Прижался спиной к холодной поверхности. Грудь ходила ходуном.

Вессар прижимал винтовку к плечу. Лицо под визором было серым.

— Боеприпасы? — спросил Кай.

— Полкапсулы. Двадцать импульсов, может, двадцать пять.

Кай проверил свою винтовку. Индикатор заряда мигал жёлтым. Десять импульсов.

Тридцать выстрелов на двоих. Против отряда, который знал эти тоннели как собственные вены.

Вессар посмотрел на него. В его глазах Кай увидел то, что видел десятки раз у других солдат: арифметику. Холодный, безэмоциональный подсчёт шансов. Ответ всегда один и тот же, когда боеприпасов меньше, чем противников, а за спиной — глухая стена.

— Выход перекрыт, — сказал Вессар. Голос ровный, тусклый.

— Знаю.

Выстрелы боков прекратились. Тишина в тоннеле была хуже огня. Она означала, что они перегруппировываются. Берут в кольцо. Не торопятся.

Кай опустил винтовку. Закрыв глаза на секунду. Лицо Рико стояло перед глазами — остановившийся взгляд, нитка крови, фотография в шлеме.

Он открыл глаза. Посмотрел на Вессара.

— Бросаем оружие, — сказал Кай.

Вессар не ответил. Его пальцы побелели на цевье винтовки.

— Мёртвые не воюют, — добавил Кай. — Живые — могут потом.

Вессар закрыл глаза. Открыл. Медленно положил винтовку на камни. Кай сделал то же самое. Металл лязгнул о щебень, и звук разнёсся по тоннелю как погребальный колокол.

Кай поднял руки и шагнул из-за валуна в свет чужих фо-

нарей.

Свет четырёх мощных фонарей ударил в глаза, ослепив Кая сквозь визор. Он зажмурился, поднимая пустые руки выше плеч. Рядом скрипнул гравий — Вессар вышел следом.

— На колени! Оружие оттолкнуть ногой! — рявкнул искажённый динамиком голос из спящего пятна.

Кай медленно опустился на колени. Жёсткий камень врезался в суставы сквозь тонкую ткань комбинезона. Вессар сделал то же самое. Кай пнул свою винтовку ногой, отбрасывая её в сторону бокров. Оружие со стуком скользнуло по полу.

Из темноты вынырнули фигуры. Местные двигались быстро, без лишнего шума, не тратя время на торжество. Серая, потёртая броня, самодельные разгрузки, разномастное оружие — от старых шахтёрских резаков до новеньких импульсников куздров, снятых с трупов.

Один из бокров шагнул к Каю. Удар прикладом под рёбра сбил дыхание. Кай рухнул на бок, глотая пыль. Жёсткие руки сорвали с него шлем, отбросили в сторону. Воздух Ланоксара — сухой, с металлическим привкусом перетёртой породы — обжёт лёгкие.

— Руки за спину, тварь наёмная.

Кая грубо дёрнули вверх, заломили руки. Холодный пластик стяжек впился в запястья, стягивая до боли. Краем глаза он видел, как Вессара бьют по ногам, валят лицом в камни и так же связывают.

— Двое живых, пятеро дохлых, — доложил высокий бокр с красной повязкой на рукаве. — Капсулы забрали. Что с трупами?

— Оставьте крысам, — хрипло ответил командир патруля. — Уходим. Буря на поверхности через час, вентиляцию перекроют. Двигаем на Порог.

Кая подняли рывком за воротник куртки.

— Пошёл.

Удар в спину заставил его споткнуться, но он удержался на ногах. Вессар шёл впереди, прихрамывая. Бокры обступили их плотным кольцом.

Начался марш.

Кай шёл, уставившись в спину Вессара, но его глаза и мозг работали в автономном режиме выживания. Он запоминал маршрут. Не из надежды на скорый побег — шансов сбежать со связанными руками из центра чужой базы было ноль — а из въевшейся привычки.

Двадцать шагов прямо. Поворот налево у оплавленной балки. Узкий лаз, где пришлось пригнуться. Ступени, вырубленные прямо в монолите.

Тоннели менялись. Дикий камень Сарканского разлома постепенно уступал место укреплённым сводам. Кай заметил старые опорные кольца, покрытые ржавчиной, но надёжно стянутые свежими сварными швами. На стенах появились пучки кабелей, аккуратно уложенные в желоба.

Это была не просто нора дикарей, как говорили на бри-

фингах офицеры куздров. Это была инфраструктура.

За очередным поворотом в лицо ударил тёплый, спёртый воздух. Загудели вентиляторы. Бокры провели их через массивные гермодвери, створки которых разъехались с тяжёлым гидравлическим стоном.

Свет изменился. Вместо узких лучей фонарей тоннель освещали ряды жёлтых ламп под потолком. База Порог.

Кай скользил взглядом по деталям. Широкий центральный коридор. Решётчатые настилы на полу. Трубы водоснабжения, покрытые конденсатом. Люди. Много людей. Они жалась к стенам, пропуская патруль, провожали пленных хмурыми, ненавидящими взглядами. Женщины в грубых комбинезонах, подростки с грязными лицами, старики.

Куздры считали бокров кучкой пиратов и фанатиков, засевших в пещерах. Ошибка. Это был город. Город, вросший в скалу, со своей экономикой, логистикой и ненавистью, которая передавалась по наследству.

— Шевели ногами! — конвойный ткнул Кая стволом в лопатку.

Они миновали жилой сектор. Запахло едой — чем-то варёным и пресным, машинным маслом и какой-то резкой химией. Гул базы давил на барабанные перепонки.

Их привели в технический блок. Узкий коридор с серыми металлическими дверями. Тюремный ярус.

Командир патруля набрал код на панели у одной из дверей. Замок лязгнул. Створка отъехала в сторону, открывая

тёмный, тесный квадрат камеры.

— Внутрь.

Кая втокнули первым. Вессар влетел следом, споткнувшись о порог. Дверь с лязгом закрылась за их спинами. Загудел магнитный замок.

Щёлкнул выключатель, и под потолком камеры замигала тусклая лампа, заливая всё мертвенно-бледным светом.

Они остались одни.

Свет тусклой лампы под потолком был похож на свет умирающей звезды. Он не освещал, а лишь подчёркивал темноту в углах камеры. Кай присел на корточки, прислонившись спиной к холодной металлической стене. Вессар опустился напротив, на голый бетонный пол. Он сидел, согнувшись, уткнувшись лицом в колени. Его плечи слегка вздрагивали.

Кай перевёл взгляд на свои руки. Стяжки впивались в запястья, оставляя красные полосы. Он сжал и разжал пальцы, проверяя чувствительность. Всё в порядке. Кровь текла.

Он осмотрел камеру. Квадрат три на три метра. Голые стены, окрашенные в серый цвет, на котором проступали пятна ржавчины и сколы. В углу — металлическое ведро без крышки. Больше ничего. Воздух пах сыростью, пылью и слабым отголоском мочи.

Кай поднял взгляд на Вессара.

— Ты ранен?

— Нет, — голос Вессара был глухим, приглушённым ко-

лениями. — Просто ногу отдавили, когда валили.

— Держись. Пока живы — есть шанс.

— Какой шанс? — Вессар поднял голову. Его лицо было бледным, глаза запали. — Нас обменяют? За одного сержанта? Меня, может быть. Тебя, рядового, зачем им? Ты видел, как они смотрят? Они бы всех нас зарезали здесь же, если бы не приказ.

Кай не ответил. Вессар говорил правду. Обменный фонд куздров был невелик, и в нём не было места для простых солдат. Его судьба была предрешена: допрос, а затем быстрый выстрел в затылок в каком-нибудь дальнем тоннеле. Тело сбросят в шахту или оставят на съедение подземным тварям.

Он перевёл взгляд на своё предплечье. Там, под рукавом комбинезона, был старый ожог — неровный, бугристый шрам, похожий на карту неизвестной планеты. Он получил его три года назад, в одной из первых стычек на Ланоксаре. Плазменный разряд чиркнул по броне, и раскалённая энергия прожгла ткань и кожу. Можно было убрать шрам регенератором, но Кай не стал. Не из сентиментальности. Просто не было времени, потом забыл, а потом шрам стал частью руки, как царапина на прикладе винтовки.

Вессар снова уткнулся лицом в колени. Его дыхание стало ровнее. Он засыпал — или делал вид, что засыпает, чтобы не говорить.

Кай закрыл глаза. В темноте под веками снова всплыло

лицо Рико. Остановившийся взгляд. Нитка крови. Фотография в шлеме.

Он попытался отогнать образ, переключиться на что-то другое. На брифинг перед вылетом. На проверку снаряжения. На...

На лейтенанта Фосса.

Мысль всплыла сама собой, тихо, как пузырь со дна.

За два дня до операции Кая вызвали в командный отсек. Не к его непосредственному командиру, а к лейтенанту Фоссу — офицеру из отдела кадрового учёта. Встреча была странной. Фосс, сухой мужчина с птичьим лицом, усадил Кая на стул и задал несколько вопросов. Не о миссии. О самочувствии.

«Головные боли бывают? Со сном проблемы? Нет ли провалов в памяти?»

Кай ответил отрицательно на всё. Он чувствовал себя нормально. Усталость была обычной, сон — прерывистым, как у всех на передовой. Ничего необычного.

Фосс кивнул, сделал пометку в планшете и отпустил. Всё заняло не больше пяти минут. Кай вышел из отсека, пожал плечами и забыл об этом. Рутинная проверка. Может, эпидемия какого-нибудь штамма гриппа ходила по казармам. Мало ли.

Сейчас, в тишине камеры, это воспоминание вернулось. Не как тревожный сигнал, а как мелкий камушек в ботинке. Неудобный, но не критичный.

«Странный был разговор, — подумал Кай, глядя на свои связанные руки. — Ладно. Неважно».

Он откинул голову назад, чтобы затылком коснуться холодного металла стены. Закрыв глаза. Усталость накрывала его тяжёлой, мокрой волной. Адреналин давно ушёл, оставив после себя пустоту и дрожь в мышцах.

Он не знал, сколько времени прошло, когда дверь камеры снова лязгнула.

ГЛАВА 3. НУЛЕВОЙ СИГНАЛ

Хакс ждал её у входа в тюремный блок. Он прислонился к стене, поигрывая металлическими пальцами левой руки. Лязг поршней отдавался в голове Рэй сухим эхом.

«Надо выжать их быстро, пока куздры не сменили коды шифрования. Если они планировали масштабный рейд, нам нужны точки сбора», — мысль Хакса была чёткой и жёсткой, как приказ.

Вслух он только кивнул на бронированную дверь пятого бокса.

— Начни с того, что постарше. Сержант. Потрёпанный, но крепкий. Второй — молодняк, сидит тише мыши.

Рэй молча приложила ладонь к сканеру. Замок пискнул, пропуская её внутрь.

В допросной было холодно. Вессар сидел на стуле, вцепившись пальцами в край сиденья. Его лицо было бледным, под глазами залегли тяжёлые тени. При появлении Рэй он скинул голову.

«Женщина? Они прислали девчонку? Значит, убивать сразу не будут. Время. Мне нужно потянуть время. Главное — устав. Сержант Вессар, личный номер...» — мысли пленного закрутились вокруг армейских параграфов, возводя шаткую стену из сухих цифр и фактов.

Рэй села напротив. Она не стала открывать планшет. Она

просто смотрела ему в глаза, чувствуя, как её сознание беспрепятственно обходит его жалкие заслоны.

— Имя и номер я знаю, — произнесла она. — Твой устав здесь не работает.

Вессар вздрогнул. Его зрачки сузились.

«Откуда она... Слышит? Не может быть. Это легенды. Бокры не могут...» — страх хлынул в его разум, смывая номера параграфов. Вместе со страхом потянулись образы: карта Сарканского разлома, отметка у четвёртой шахты, три резервных выхода.

Рэй видела всё это так же ясно, как если бы карта лежала перед ней на столе. Вессар пытался думать о чём-то другом, вспоминал лицо матери, вкус дешёвого пайка, но подсознание услужливо подкидывало именно те данные, которых он боялся больше всего.

— Четвёртая шахта, — Рэй включила планшет и быстро внесла координаты. — Вы ставили датчики движения для наведения артиллерии. Кто должен был принимать сигнал?

Вессар открыл рот, но не издал ни звука. Его лоб покрылся крупными каплями пота.

«Она ведьма. Она видит меня насквозь. Не смотри ей в глаза! Закройся! Мост. Сигнал уходит на мост в секторе двенадцать», — паника внутри его головы стала оглушительной.

— Сектор двенадцать, мост, — Рэй закончила запись. — С тобой закончили.

Она встала. Вессар задрожал, глядя на неё с суеверным

ужасом. Он не понимал, как за пять минут разговора, в котором он не произнёс почти ничего, он сдал всю операцию.

Рэй вышла из бокса. Хакс ждал в коридоре, приподняв бровь.

— И?

— Мост в двенадцатом секторе. Ждали сигнал от датчиков у четвёртой шахты. Артиллерийская наводка.

— Быстро ты, — Хакс удовлетворённо хмыкнул. Его механические пальцы снова задвигались. — Иди ко второму. Может, этот щегол знает пароли на этот день.

Рэй кивнула. Гвоздь боли в затылке пульсировал сильнее. Допросы всегда изматывали её, наполняя голову чужим ужасом и грязью. Она пошла по коридору к следующей камере.

Она ожидала увидеть то же самое: приторный, липкий запах панического пота, жалкие попытки спрятать правду.

Она ошиблась.

Камера номер шесть находилась в самом конце коридора, где лампы мигали чаще всего, наполняя пространство нервным, рваным светом. Рэй приложила карту к замку. Металл лязгнул, и дверь ушла в стену.

Она вошла, уже привычно выстраивая базовый ментальный барьер, чтобы не захлебнуться в чужих эмоциях. Гвоздь боли в затылке раскалился добела. Она ожидала удара — всплеска ненависти, скулежа о пощаде или лихорадочных попыток вспомнить хоть какую-то ложь.

Рэй увидела парня.

Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Грязный комбинезон куздров, пятна подсохшей крови на плече — не его, чужой. На правом предплечье багровел старый бугристый ожог. Когда дверь открылась, он медленно поднял голову. Его взгляд был спокойным. Не тупым, не смиренным — просто сосредоточенным.

Рэй привычно потянулась к его сознанию.

И провалилась.

Это не было похоже на барьер или ментальный щит. Щиты она умела взламывать: они ощущались как стена, которую можно пробить, или как лабиринт, который можно пройти. Здесь не было ничего.

Абсолютная, звенящая, мертвенная тишина.

Рэй физически покачнулась. Мир вокруг неё, всегда наполненный гулом тысяч голосов, вдруг схлопнулся до размеров этой тесной камеры. Исчезли мысли охранников в коридоре, исчез зуд в колене сержанта Вессара, исчезла тяжесть планов Хакса.

Был только этот парень и пустота там, где у каждого живого существа должен быть разум.

Она сделала шаг назад, хватаясь рукой за косяк двери. Пальцы соскользнули по холодному металлу. Ей показалось, что из комнаты выкачали воздух.

— Что такое? — голос парня был негромким, чуть хриплым.

Рэй не ответила. Она не могла дышать. В её голове, впер-

вые за восемь лет, не было ничего, кроме её собственных мыслей. Это было настолько неестественно, настолько жутко, что её охватил первобытный ужас. Как если бы она внезапно ослепла и оглохла одновременно.

Она попробовала снова. Собрала всю волю, концентрируясь на его фигуре. Она ударила по его мозгу ментальным импульсом, который должен был вскрыть даже самый мощный блок.

Ничего.

Пустота поглотила её атаку, не оставив даже эха.

Парень медленно поднялся. Он двигался осторожно, не сводя с неё глаз.

— Эй, — произнёс он. — Ты в порядке? Тебе плохо?

Рэй смотрела на него, и её зрачки были расширены до предела. Он стоял в двух метрах. Живой. Настоящий. Она видела, как вздымается его грудь, видела грязь под его ногтями, слышала шуршание его комбинезона. Но для её дара его не существовало.

Он был нулевым сигналом. Дырой в реальности.

— Имя, — выдавила она из себя. Голос прозвучал чужой, ломкий. — Звание. Подразделение.

— Кай. Рядовой. Шестая штурмовая, — ответил он. В его голосе не было ни капли той паники, которую она только что выпила из Вессара. Только настороженное любопытство. — А ты кто?

Рэй не ответила. Она стояла, вцепившись в дверь, и ждала,

когда этот морок исчезнет. Когда из его головы наконец вырвется хоть какая-то мысль — любая, самая мелкая и грязная.

Но тишина продолжалась. И в этой тишине Рэй впервые за долгие годы почувствовала, как отступает боль в затылке. Гвоздь перестал гореть.

Это было пугающе. Это было прекрасно.

Кай сделал полшага вперёд. Рэй мгновенно выпрямилась, рука сама легла на рукоять шокера на поясе. Кожаные ремни закрипели в тишине.

— Стой на месте, — бросила она.

Он замер. Медленно поднял руки, показывая пустые ладони. Пластиковые стяжки на его запястьях натянулись.

— Я не собираюсь прыгать, — сказал Кай. — Просто ты выглядела так, будто сейчас упадёшь в обморок.

Рэй глубоко вдохнула. Воздух в камере казался необычно чистым, не отравленным чужими эмоциями. Она заставила себя оторваться от косяка и подойти к столу. Села на металлический стул. Холод сиденья пробрал до костей.

— Сядь, — приказала она, указывая на пол напротив.

Кай опустился. Между ними было два метра серого бетона.

Рэй включила планшет. Пальцы мелко дрожали, и она сжала их в кулак, надеясь, что он не заметил. Ей нужно было вести допрос. Спрашивать. Слушать. Интерпретировать слова.

Она не делала этого восемь лет — с тех самых пор, как в четырнадцать лет «Гнездо» пробудило её дар. С того дня слова людей перестали иметь значение. Зачем слушать ложь, которую произносят губы, если ты видишь правду, пульсирующую в мозгу? Рэй привыкла выхватывать нужные сведения из подсознания раньше, чем человек успевал их сформулировать. Она разучилась быть обычным человеком, ведущим обычный разговор.

А сейчас она была слепа.

— Твой отряд, — начала она, глядя в экран. — Цель миссии у Сарканского разлома.

— Разведка, — ответил Кай. — Мы должны были проверить проходимость южных тоннелей.

Рэй ждала. Ждала привычного «хвоста» мысли — образа карты, истинного приказа, страха перед раскрытием тайны. Но в её голове было пусто. Только его ровный, спокойный голос.

— Вы ставили датчики, — надавила она, имитируя уверенность. — Для артиллерии. Кто наводил?

— Я рядовой, — Кай чуть наклонил голову. — Мне дают координаты и говорят «копай здесь». Я копаю. Кто и куда стреляет потом — не мой уровень допуска.

Он врал? Или говорил правду? Рэй не знала. Эта неопределённость пугала больше, чем направленное дуло винтовки. Она не могла отличить искренность от хорошо заученной легенды. Каждое его слово могло быть ловушкой, а она не

видела ни одной скрытой растяжки у него в мозгу.

Рэй подняла взгляд. Кай смотрел на неё прямо. Без вызова, но и без тени почтения.

— Почему ты не боишься? — спросила она вопреки протоколу.

Кай пожал плечами. Пластик стяжек тихо хрустнул.

— Бояться энергозатратно. Если вы собираетесь меня убить — вы это сделаете. Если собираетесь допрашивать — вы это делаете. От моего страха ничего не изменится.

Рэй прикусила губу. Солоноватый металлический привкус крови обжёг ей язык. Ей стало душно. Тишина в камере, которая минуту назад казалась спасением, теперь давила на плечи. Она чувствовала себя голой. Без своего дара она была просто женщиной в тесной комнате с вражеским солдатом.

Она резко встала. Планшет едва не соскользнул со стола.

— Допрос окончен, — отрезала она.

— Так быстро? — Кай удивлённо приподнял бровь. — Я даже не успел рассказать про своё трудное детство.

Рэй не ответила. Она почти выбежала из камеры, и тяжёлая дверь захлопнулась с оглушительным лязгом. Только оказавшись в пустом коридоре под мигающей лампой, она позволила себе прислониться к стене и закрыть глаза.

Гвоздь боли в затылке не вернулся. Но сердце колотилось о рёбра так, будто она только что вышла из рукопашной.

— Эй, Голос! — окликнул её Хакс из конца коридора. — Ну что там? Коды подтвердил?

Рэй сглотнула. Она посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали.

Хакс подошёл ближе, припадая на левую ногу. Механический протез издавал ритмичное «вжик-лязг». В его правой руке была кружка, от которой исходил резкий запах сивухи.

— Пустой, — сказала Рэй, не открывая глаз.

Хакс замер.

«Пустой? Рядовой наёмник куздров не знает кодов дня? Быть не может. Она что-то упустила? Неужели переутомилась?» — его мысли закрутились вокруг неё, колючие и тревожные.

— В смысле пустой? — спросил он вслух. — Совсем ничего?

Рэй заставила себя выпрямиться. Она посмотрела на наставника, стараясь придать лицу обычное холодное выражение.

— Рядовой из шестой штурмовой. Мясо. Им дают приказы в последнюю секунду. Он даже не знал, куда именно их ведут. Сержант выдал всё, что у них было. Этот — бесполезен. Только пайки зря тратить.

Хакс прищурился. Он долго смотрел на неё, и Рэй чувствовала, как он пытается пробиться сквозь её собственную ментальную защиту. Она была сильнее, но Хакс знал её слишком хорошо.

— Ладно, — наконец буркнул он. — Сержанта мы обменяем, а этого... Он сидит в камере вторые сутки. Совет дал

неделю на допрос. У тебя ровно семь дней, начиная с завтрашнего. То есть на рассвете десятого дня его плена мы пустим его в расход. Поняла? Бокрам не нужны лишние рты.

Рэй кивнула и быстро пошла прочь, пока он не задал ещё какой-нибудь вопрос. «Пустим в расход». Эти слова отозвались внутри странным уколом. Она только что совершила своё первое серьёзное должностное преступление. Она соврала Совету бокров.

Ей нужно было к отцу.

Лаборатория Корвина находилась на два яруса ниже. Здесь, в глубоких тоннелях, стены дышали холодом, а тишина была почти осязаемой. Отец стоял у массивного экрана, на котором пульсировали графики излучения Гнезда. Он был похож на высохшую мумию: серая кожа, ввалившиеся глаза, дрожащие пальцы, вечно испачканные в графитовой смазке.

— Папа, — тихо позвала Рэй.

Его мысли были заняты Гнездом — чёрной, пульсирующей структурой в соседней пещере, которую одни считали чудом, другие — проклятием, а он сам — бесконечной загадкой, требующей научного объяснения, но не лишённой своей жуткой, почти божественной притягательности.

«Амплитуда растёт. Оно настраивается на что-то. Если резонанс усилится, щиты не выдержат...»

— Я встретила человека, — перебила его Рэй. — В тюремном блоке. Он... пустой.

Корвин замер. Медленно, словно ржавый механизм, он повернул голову.

— Что ты имеешь в виду под «пустым», Рэйна?

— Нулевой сигнал. Я не слышу его. Совсем. Даже фона, даже обрывков эмоций. Там просто ничего нет. Тишина.

В глазах отца мелькнул живой интерес, мгновенно вытеснивший графики и формулы. Он подошёл к ней, хватая за плечи костлявыми пальцами.

— Совсем ничего? Ты уверена? Это не блок? Не медикаментозное подавление?

— Я пробовала пробить. Пустота. Как будто я смотрю в колодец, у которого нет дна.

Корвин отпустил её и начал мерить шагами тесную лабораторию.

— Невероятно. Природа не терпит пустоты в сознании. Даже у животных есть фон. Если он «молчит»... — он замолчал, закусив ноготь на большом пальце. — Приведи мне его данные. Всё. Биометрию, историю захвата. Мне нужно знать, кто он.

Рэй кивнула, но внутри у неё всё сжалось. Она поняла, что совершила вторую ошибку за день — привлекла внимание отца к Каю.

Позже, в своей каюте, она лежала на жёсткой койке, уставившись в низкий потолок. База вокруг гудела. Тысячи голосов бокров сплетались в нескончаемый, грязный поток.

«Где мои ключи?»

«Хоть бы кудры не ударили ночью...»

«Опять она на меня так посмотрела...»

Рэй закрыла уши подушкой, но это не помогало. Голоса были внутри. И среди этого невыносимого шума она, как наркоман, вызывала в памяти те десять минут в шестой камере. Те десять минут, когда в её голове было тихо.

Она поняла, что завтра пойдёт туда снова. Не ради клана. И даже не ради отца.

Ради себя.

ГЛАВА 4. ДОПРОС

Скрежет металла разбудил Рэй за секунду до того, как в голову ворвался хор чужих мыслей.

«Вода опять ржавая. Как же холодно. Когда уже смена?» — недовольство дежурного техника резануло по вискам, словно наждачная бумага.

Рэй сжала голову ладонями, чувствуя под пальцами жёсткую пульсацию вен. После вчерашней пустоты в камере номер шесть сегодняшний утренний шум казался физически невыносимым.словно с неё содрали кожу и бросили под вентилятор, гоняющий пыль.

Она оделась рывками, стянула ремень, проигнорировав привкус крови на прокушенной нижней губе. Ей нужна была легенда. Оправдание, чтобы снова спуститься в тюремный блок.

Хакс нашёлся в оружейной. Он с мрачным видом перебирал детали разобранного плазмомёта, стирая старую смазку куском ветоши.

«Затворная рама стёрта. Торгаши с нижних ярусов совсем обнаглели, толкают мусор», — его мысль была тяжёлой и неповоротливой, как свинцовая чушка.

— Сержанта забирают на обмен, — сказал Хакс вслух, не поднимая головы от оружия. — Сторговались на медикаменты. Что с рядовым? Ты говорила, он пустой.

— Он заблокирован, — Рэй произнесла это ровно, глядя на масляные пятна на столешнице. — Глубокое ментальное кодирование. Я наткнулась на стену.

Хакс замер. Механические пальцы левой руки скрипнули, сжав пружину возврата.

«Кодирование? У простого пехотинца? Куздры не тратят такие технологии на пушечное мясо», — подозрение Хакса кольнуло Рэй в затылок.

— Зачем пехотинцу блок? — озвучил он секунду спустя.

— Не знаю, — Рэй заставила себя посмотреть ему в глаза. — Но я хочу это выяснить. Если на нём обкатывают новые технологии защиты, Совет должен знать. Дай мне время на его вскрытие.

Хакс бросил ветошь на стол. Сплюнул на решётчатый пол.

— Неделя. Я подтвердил этот срок на Совете. Потом пустим в расход. Мы не приют для убогих и не исследовательский центр. Корвину об этом ни слова, иначе он потащит его в свою лабораторию, а мне нужны свободные камеры.

Рэй кивнула и пошла к тюремному блоку, чувствуя, как между лопаток собирается холодная испарина. Она выторговала себе дозу.

Охранник у шестой камеры монотонно жевал тонизирующий стимулятор.

«Ходит и ходит. Делать ей нечего, лучше бы пайками занялась», — вяло подумал он, прикладывая магнитный ключ к панели.

Дверь со скрежетом отъехала в сторону. Рэй шагнула внутрь.

Гул вентиляции, зуд мыслей охранника, тяжёлое, липкое ожидание других пленных из соседних боксов — всё это отсекло лязгнувшей за спиной сталью.

Рэй сделала судорожный вдох. Воздух пах пылью, сыростью и застарелым потом, но для неё он пах абсолютным покоем.

Кай сидел на полу в той же позе, что и вчера. Услышав звук двери, он поднял голову. В его тёмных глазах не было ни страха, ни агрессии.

Тишина накрыла Рэй плотным одеялом. Она закрыла глаза на долю секунды, позволяя мышечному спазму в шее расслабиться. Она пришла сюда работать, но тело отказывалось подчиняться приказам логики — оно просто отдыхало.

Рэй медленно опустилась на металлический стул. Ножки скрипнули по бетонному полу, и этот звук в абсолютной тишине камеры показался ей грохотом обвала горной породы внутри шахты. Она положила планшет на стол, стараясь не смотреть Каю в глаза.

— Продолжим, — её голос прозвучал суше, чем ей хотелось бы. Она чувствовала себя актрисой на сцене, которая забыла половину текста, но обязана доиграть роль перед единственным зрителем.

Кай не шевельнулся. Он продолжал сидеть у стены, обхватив колени связанными руками. Лампа под потолком мигну-

ла, на мгновение погрузив его лицо в глубокую тень, а затем снова высветила резкие скулы и тонкую полоску шрама на челюсти.

— Продолжим что? — Кай чуть наклонил голову. — Ты вчера ушла так быстро, будто я внезапно зарос шерстью и начал выть на Гнездо.

— Вчера ты не ответил на вопрос о структуре командования в шестой штурмовой, — Рэй заставила свои пальцы коснуться экрана планшета. — Твой сержант Вессар оказался словоохотливее. Он сейчас готовится к обмену. Как думаешь, почему тебя не включили в список?

Она внимательно следила за его лицом. Обычно ей не требовалось смотреть на мимику — мысли собеседника опережали любые гримасы. Но сейчас она была вынуждена учиться заново: ловить движение зрачков, подёргивание желваков, ритм дыхания.

Кай усмехнулся. Это была невесёлая, чисто солдатская усмешка — когда человек понимает, что его карта бита, но не собирается просить о пощаде.

— Потому что Вессар — сержант, а я — расходник, — просто ответил он. — На Ланоксаре за одного сержанта можно выторговать ящик антибиотиков или три сотни импульсных капсул. За меня не дадут и пачки стимуляторов. Моё командование умеет считать. А ваше — тем более.

Он замолчал, и его взгляд стал тяжелее. Кай рассматривал её открыто, не скрываясь. Рэй почувствовала, как по спине

пробежал холод. Это было странное, почти забытое чувство уязвимости. Она привыкла быть охотником, который видит дичь насквозь. Под взглядом Кая она сама превращалась в объект. Он изучал её куртку, её руки, то, как она прикусывает губу. И она понятия не имела, что он об этом думает. Оценивает ли он её как врага, как женщину или как сумасшедшую тюремщицу?

— Ты странная, — тихо сказал он. — Смотришь на меня так, будто хочешь препарировать взглядом. Или ждёшь, что я сейчас выну из кармана планы всех укреплений куздров.

Рэй вздрогнула. Она слишком привыкла полагаться на телепатию, что даже её поза выдавала ожидание ментального отклика. Она сидела, подавшись вперёд, инстинктивно пытаясь «вскрыть» его тишину.

— Расскажи про базу в северном секторе, — резко перевела она тему. — Где точки входа в глубокие тоннели?

— Ты же видишь, что я не отвечу, — Кай расслабил плечи. — Даже если бы я знал, что толку? Ты — «Голос бокров», судя по тому, как на тебя косятся охранники. У тебя должны быть методы поэффективнее, чем просто смотреть на меня. Зачем тебе мои слова?

Рэй прикусила губу.

— Слова — это всё, что у тебя есть. Если ты хочешь дожить до конца недели, тебе придётся научиться ими пользоваться.

— Неделя? — он приподнял бровь. — Щедрое предложе-

ние. Я думал, меня пустят на удобрения для ваших гидропонных ферм уже сегодня вечером.

Он замолчал, глядя на свои грязные ботинки. Рэй заметила, как он осторожно пошевелил пальцами связанных рук. Пластиковые стяжки уже глубоко впились в кожу, запястья отекли и посинели.

— Тебе больно? — вопрос вырвался раньше, чем она успела его обдумать.

Кай поднял на неё взгляд. В его глазах мелькнуло удивление, смешанное с подозрением.

— А тебе не всё равно? Обычно допрос предполагает, что мне должно быть больно.

— Я не спрашивала про «обычно», — Рэй встала, ощущая странный зуд в ладонях. Ей хотелось подойти и срезать эти стяжки. Не из милосердия — а просто потому, что эта деталь мешала чистоте её «тихого места».

— Потерплю, — Кай отвернулся, снова уходя в себя. — Куздры нас учили, что боль — это просто сигнал нервной системы. Полезная штука, напоминает, что ты ещё не сдох.

Рэй долго смотрела на него. В камере пахло озоном от мигающей лампы и пылью. Тишина Кая обволакивала её, баюкала, шептала, что здесь безопасно. Но это была ложь. Это была самая опасная комната на всей базе, потому что здесь она теряла себя.

Она резко развернулась и пошла к двери.

— Завтра, — бросила она через плечо.

— Буду ждать с нетерпением, — донёсся ей вслед его сухой, лишённый всякой надежды голос. — У меня на завтра как раз никаких планов.

Рэй вышла из тюремного блока, и тяжёлая бронированная дверь лязгнула за её спиной, отрубая тишину. На неё тут же обрушился мир.

Это было похоже на падение в ледяную воду. После вакуума шестой камеры база Порог взорвалась сотнями голосов. Голова Рэй дёрнулась, словно от физического удара. Гвоздь боли в затылке, который затих рядом с Каем, снова начал раскаляться.

«...опять этот кабель коротит, когда-нибудь мы тут все сторим...»

«...почему она так на меня посмотрела, неужели догадалась про заначку...»

«...жрать охота, хоть бы сегодня в похлёбку добавили концентрата...»

Рэй привалилась к стене, чувствуя, как холодный металл вибрирует от работы насосов где-то глубоко внизу. Она закрыла глаза, пытаясь выстроить ментальные барьеры, но те казались хрупкими, как сухая трава. После тишины Кая чужие мысли ощущались особенно грязными и навязчивыми.

— Эй, Рэй! Ты чего, привидение увидела?

Голос Лин ворвался в её сознание ещё до того, как Рэй открыла глаза. Мысли Лин были особенными — громкими, быстрыми и совершенно хаотичными. Она никогда не пы-

талась скрываться или строить блоки. Её разум был похож на работающий на полную мощность двигатель, из которого сыплются искры. Иногда среди этого хаоса проскальзывали странные обрывки: «...сегодня утром чёрный котёнок перебежал дорогу, это к беде..., ...надо постучать по металлу, чтобы не сглазить..., ...а где моя счастливая плитка? Без неё никуда...».

Лин стояла в паре метров, вытирая перепачканные в масле руки о ветошь. Её комбинезон был на два размера больше, а коротко подстриженные волосы торчали во все стороны.

«...выглядит паршиво, щеки ввалились, губу опять до крови разгрызла. Надо её накормить, у меня в заначке был кусок сушёного мяса с прошлого рейда...» — Лин искренне сочувствовала, и её эмоции окатили Рэй волной тепла, от которой стало почти тошно.

— Всё нормально, Лин, — Рэй заставила себя выпрямиться. — Просто затянувшийся допрос.

— Затянувшийся? Ты в той камере провела почти час, — Лин подошла ближе, и Рэй почувствовала от неё сильный запах дешёвого смазочного масла и горького синтетического табака. — Охранник в коридоре уже ставки делает: выйдешь ты оттуда со щитом или на щите. Я даже свою счастливую плитку из Гномоникона потерять успела, пока ждала, не к добру это всё. Говорит, парень там сидит совсем отбитый.

«...врёт. Глаза бегают. Что она там делала? Пленный — куздра, враг, убийца. Может, он её ударил? Нет, следов

нет...» — подозрения Лин были не злыми, скорее исследовательскими, но Рэй они жалили, как мелкие насекомые.

— Пленный сложный, — сухо ответила Рэй, надеясь, что голос не дрогнет. — У него стоит блок, который я не могу обойти с ходу. Хакс дал мне два дня.

— Блок? — Лин присвистнула. — У рядового? Куздры совсем с ума сошли, так тратить ресурсы. Ладно, пошли в столовую. Сегодня завезли партию водорослей с нижних ферм, говорят, они почти не пахнут тиной.

«...надо её увести, а то сейчас свалится. Бледная как смерть. И губа... опять губа...»

— Иди, Лин. Мне нужно к отцу. Нужно доложить о прогрессе.

— Ты всегда к нему бежишь, когда тебе плохо, — Лин наммурилась, и её мысли на секунду стали колючими. — Хотя старик Корвин вряд ли заметит, если у него под носом взорвётся реактор, пока он считает свои графики.

Рэй ничего не ответила. Она знала, что Лин права, но Корвин был единственным оправданием её странного поведения, которое мог принять клан. Она развернулась и быстро пошла по коридору, стараясь не слушать, как Лин вдогонку думает о том, что Рэй окончательно превращается в тень.

Каждый шаг давался с трудом. База бокров, её единственный дом, сейчас казалась ей огромным, душным зверинцем, где клетки были открыты, и все звери кричали одновременно. Рэй чувствовала, как внутри неё растёт глухое, злое раз-

дражение на всех этих людей, чьи мысли она была вынуждена пить против воли.

Она хотела обратно. В шестую камеру. К тишине, которая не требовала от неё ничего, кроме присутствия.

До лаборатории Корвина Рэй не дошла. Путь ей преградил человек, чьё присутствие она почувствовала за два поворота по характерному, маслянистому привкусу чужого самомнения.

Дарен.

Он стоял, прислонившись к распределительному щиту, и вид у него был такой, словно он лично владел этим сегментом тоннеля. Молодой, со слишком правильными чертами лица для того, кто вырос под землёй, и глазами, в которых всегда горел холодный огонь амбиций. Дарен был лучшим пилотом клана, и он это знал, а главное — умел заставить других верить в это. Его слова, даже когда он просто здоровался, звучали как обещание силы и успеха, и многие в клане видели в нём будущего лидера, готового избавить их из всех бед.

— Наша Рэй, — его голос был бархатным, вкрадчивым. — Опять спускалась в яму к крысам? Хакс говорит, ты возишься с каким-то рядовым куздров уже второй день.

Его мысли ударили Рэй в лицо, как струя сточных вод. Они были вязкими, собственническими и полными грязного желания, которое он даже не пытался маскировать.

«...сидит на этом своём стуле, строит из себя неприступ-

ную ледяную королеву. Ничего, когда старый Бракка сдохнет и я сяду в кресло Капитана, я найду способ растопить этот лёд. Телепатка на поводке — это лучший трон, который можно придумать...» — Дарен представлял её в своей постели, но не как женщину, а как трофей, как мощный инструмент контроля. Его пальцы на ремне комбинезона непривольно сжались.

Рэй едва сдержала рвотный позыв. Контраст между этой гнилью и чистотой Кая был настолько резким, что она едва не отшатнулась.

— Это моя работа, Дарен. И Хакс её санкционировал. Тебя она не касается.

— О, меня касается всё, что происходит на Пороге, — Дарен сделал шаг вперёд, вторгаясь в её личное пространство. — Особенно когда наше самое ценное оружие тратит часы на допрос никчёмного наёмника. Может, ты теряешь хватку? Или тебе просто нравится смотреть на него? Рассказывают, он парень видный, даже в грязи.

— Тебя что-то конкретное не устраивает? — с вызовом спросила она.

— Рэй, — его голос был бархатным, вкрадчивым, но в нём звенела сталь, — не слишком ли много времени ты тратишь на этого пленного? Клан нуждается в тебе, Рэй. И я тоже. Мы не можем позволить себе такую роскошь, как изучение каждого рядового куздров, когда на кону наше выживание. Или ты нашла в нём что-то... особенное, разглядывая его?

«...смотреть на него. Нравится ей. Сука. Если она нашла себе развлечение в камере, я этого щенка лично на куски порежу. Она моя. Была и будет...» — ревность Дарена была такой же эгоистичной, как и его похоть. В ней не было ни грамма заботы — только ярость собственника, у которого пытаются отобрать вещь.

— Отойди, — Рэй посмотрела ему прямо в глаза. Она знала, что он боится её дара, хотя и маскирует это бравадой. — Твои мысли слишком шумные, Дарен. У меня от них болит голова.

Дарен на мгновение оцепенел. Его мысли вспыхнули короткой, ядовитой вспышкой страха. «...она всё слышит. Тварь. Опять она влезла ко мне в череп...»

Он вымученно улыбнулся и отступил на полшага, картинно скидывая руки.

— Конечно, Голос. Не буду мешать великим делам. Но помни: Хакс не вечен. И Совет тоже.

Рэй прошла мимо, не оглядываясь. Её трясло. Ей хотелось смыть с себя мысли Дарена, соскрести их ножом.

Она заперлась в своей каюте. Узкое пространство, три шага в длину, вырезанная в камне полка для личных вещей. Здесь всегда было темно и сыро. Обычно Рэй это угнетало, но сегодня темнота была единственным союзником.

Она села на койку и достала планшет. Ей нужно было составить список вопросов. Настоящих вопросов, которые помогли бы ей сохранить легенду перед Советом. Но вместо

тактических данных она начала вспоминать детали. Как Кай наклоняет голову, когда слушает. Как его пальцы перебирают стяжки. Как он молчит — не обиженно, а как человек, который привык полагаться только на себя.

Рэй поймала себя на том, что прикусывает губу, и в этот раз это было не от боли. Она действительно придумывала вопросы на завтра. И среди них не было ни одного про дислокацию войск куздров.

Она хотела спросить, как он получил этот ожог на руке. Хотела спросить, о чём он думает, когда закрывает глаза в своей пустой камере.

Рэй отбросила планшет. «Это безумие», — прошептала она в пустоту каюты. Но шум базы за стеной, голоса сотен бокров, сплетающиеся в бесконечный, давящий гул, были лучшим доказательством того, что её безумие — единственный путь к спасению.

ГЛАВА 5. РЯДОВОЙ

Кай научился измерять время по звукам.

Раз в три часа по решётчатому настилу коридора проходил сменщик. Ритмичный тяжёлый топот ботинок, который затихал у поворота к вентиляционной шахте. Раз в шесть часов лязгала заслонка в нижней части двери, и на бетонный пол проталкивался поднос с пластиковой миской.

Похлёбка бокров пахла плесенью и дешёвым белковым концентратом. Она была тёплой, слизистой и едва утоляла голод, оставляя после себя изжогу и металлический привкус во рту. Вода в пластиковой кружке всегда была чуть тепловатой и пахла старыми трубами. Кай пил её медленно, маленькими глотками, заставляя себя растягивать скудный запас.

В камере было холодно. Бетон вытягивал тепло из тела даже сквозь плотную ткань армейского комбинезона. Кай сидел, прижавшись спиной к стене в том месте, где проходила труба отопления — она едва грела, но это было лучше, чем ничего.

Он изучал свой мир. Три метра в длину, три в ширину. Скол на потолке напоминал очертания одного из материков на Старой Земле, которую он видел только на учебных голограммах. Пятно ржавчины у двери походило на застывшую птицу. Это было всё, что у него осталось.

Кай не злился на бокров. К куздром он тоже не испытывал

особой верности. За десять лет службы он понял простую истину: на Ланоксаре нет правых. Есть те, кто сидит в тоннелях и грабит корабли, и те, кто прилетел эти тоннели зачистить ради минералов. Одни убивают за свободу, другие — за гражданство в центральных мирах. И те, и другие умирают одинаково — в грязи, захлёбываясь собственной кровью.

Его охранник, парень лет двадцати с вечно небритым лицом, иногда заглядывал в смотровое окошко.

— Чё сидишь, куздра? — спрашивал он с принуждённой злостью. — Жрёшь наш паёк? Скоро мы тебя выведем к обрыву, там и посидишь.

Кай не отвечал. Он видел в глазах этого парня тот же самый страх, который видел у Рико перед боем. Бокры не были монстрами. Они были просто испуганными людьми, которые защищали свою нору. И это делало их куда опаснее любых профессиональных наёмников.

Он снова посмотрел на свои руки. Стяжки на запястьях, перекрывавшие кровотоки, наконец-то срезали, заменив их менее тугими — вчера, во время допроса, это сделала та странная женщина-следователь. Кожа под ними превратилась в сплошной багровый кровоподтёк, кисти ныли, но пальцы уже слушались. Кай медленно сжимал и разжимал кулаки, восстанавливая кровообращение.

Он знал, что его убьют. Это была арифметика войны, холодная и безошибочная. Но почему-то здесь, в этой тесной камере, ожидание смерти не вызывало у него ужаса. Только

странное, заторможенное любопытство.

Дверь лязгнула, и Кай инстинктивно подобрался, напрягая мышцы. Он ожидал охранника с подносом, но в камеру вошла она.

Следователь. «Голос бокров».

Сегодня она выглядела ещё хуже, чем вчера. Под серыми глазами залегли тяжёлые тени, кожа казалась почти прозрачной в мертвенном свете лампы. Она вошла и замерла у двери, прикрыв глаза и сделав глубокий, почти судорожный вдох. Можно было подумать, что она только что пробежала несколько километров по вертикальным шахтам.

Кай наблюдал за ней. Она была похожа на натянутую струну, которая вот-вот лопнет с противным звоном. Её пальцы, вцепившиеся в планшет, мелко дрожали.

— Пришла за добавкой? — негромко спросил Кай.

Она открыла глаза. Взгляд был лихорадочным, расфокусированным. Она не ответила, просто прошла к столу и села.

— Рассказывай, — бросила она.

— О чём? — Кай чуть приподнял бровь. — О дислокации батарей в северном секторе? Или о том, как мы шифруем сигналы в глубоких тоннелях? Ты же знаешь, что я рядовой. Мои знания заканчиваются там, где начинается козырёк моей каски.

Она прикусила губу. Опять. Кай заметил на её нижней губе свежую корочку запёкшейся крови. Это была странная, почти детская привычка для женщины, которая должна бы-

ла быть стальным инструментом клана.

— О себе, — сказала она. — Мне плевать на твои батареи. Расскажи, как ты попал в куздры. Откуда ты прилетел?

Кай усмехнулся, откидываясь затылком к стене.

— С Аркадии. Слышала про такую? Планета-сад, курорт для жирных котов из Гегемонии. Мои родители работали там в оранжерее. Чистили фильтры, подстригали кусты, которые стоят больше, чем вся эта база со всеми её тоннелями.

Она слушала его так, будто от каждого его слова зависела её жизнь. Она не перебивала, не делала пометок в планшете. Она просто сидела, подавшись вперёд, и её дыхание постепенно становилось ровнее.

— Когда мне было девять лет, к нам пришёл вербовщик, — продолжал Кай, глядя в потолок. — Сказал родителям, что у меня отличные показатели. Что корпорация оплатит моё обучение, а им выдаст гражданство второго класса и домик у моря. Они поверили. Все верят, когда им обещают море.

— И что было потом? — её голос стал тише, почти нежнее.

— Потом была учебка на орбитальной станции. Десять лет муштры, тактики и стрельб. Родителей я больше не видел. Домик у моря, наверное, существует, но письма туда не доходят. А потом — Ланоксар. Пыль, сера и стрельба по теням.

Кай замолчал. Ему было странно рассказывать это врагу. Но в этой камере слова не имели веса. Они были просто зву-

ками, заполняющими пустоту.

— Тебе страшно здесь? — вдруг спросила она.

— Здесь? — Кай обвёл взглядом камеру. — Нет. Здесь тихо. Почти как в учебке после отбоя. Только кормят хуже.

Она посмотрела на него — долго, внимательно. В этом взгляде не было профессионального интереса следователя. Было что-то другое. Жажда. Она смотрела на него так, как он сам смотрел на кружку воды после долгого марша по разлому.

Кай заметил это внезапно.

Обычно его голова всегда была наполнена шумом. Не голосами, нет — просто низкочастотным гулом, остатками старых контузий, скрежетом интеркома и вечной, тягучей тревогой. А после того «обследования» у Фосса к этому добавилась тупая, ноющая боль в висках, которая то усиливалась, то затихала, но никогда не исчезала совсем. Он привык к ней. Она была как фоновый шум в дешёвом шлеме.

Но сейчас, когда эта женщина сидела в двух метрах от него, боль исчезла.

Кай замер, прислушиваясь к собственным ощущениям. Гул в ушах пропал. Мысли стали пронзительно чистыми, как воздух на поверхности Ланоксара после бури. Это было физическое ощущение покоя, разлившееся по телу, расслабившее вечно напряжённые мышцы плеч.

Он посмотрел на свои руки. Они больше не подрагивали. «Странно, — подумал он. — Может, это какой-то газ в си-

стеме вентиляции? Или они подмешивают что-то в похлёбку?»

Но он знал, что дело не в газе. Эффект усиливался именно тогда, когда она подходила ближе. Когда она смотрела на него своими серыми, полными боли глазами.

Она снова прикусила губу, и Кай почувствовал странный импульс — ему захотелось протянуть руку и коснуться её лица. Не из страсти, а из какого-то нелепого, необъяснимого чувства общности. Будто они оба были деталями одного сломанного механизма, которые только сейчас встали в нужные пазы.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она вздрогнула, словно он её ударил.

— У меня нет имени для тебя, рядовой. Я — твой следователь.

— У всех есть имена, — Кай слегка улыбнулся. — Даже у пленных крыс. Моё ты знаешь. Это несправедливо.

— Справедливость — это роскошь центральных миров, — отрезала она, но её голос дрогнул. — Здесь есть только долг и выживание.

Она встала, и Кай почувствовал, как покой начинает ускользать. Гул в ушах вернулся — пока слабый, едва заметный, но он уже знал, что через минуту после её ухода виски снова начнёт сдавливать невидимый обруч.

— Подожди, — сказал он, сам удивляясь своей просьбе. — Почему ты всегда грызёшь губы? Это плохая привычка.

От неё больно.

Она замерла у двери. Её спина напряглась под курткой. Она не обернулась, но Кай увидел, как её пальцы судорожно сжались на планшете.

— Потому что это единственная боль, которой я могу управлять, — прошептала она так тихо, что он едва услышал.

Кай пристально смотрел на Рэй и не понимал, что сейчас происходит между ними. Это не было похоже ни на что, чему его учили. И это пугало больше, чем приговор.

Дверь открылась, впуская в камеру резкий свет коридора и шум базы. Она вышла, и Кай почувствовал, как мир снова стал тяжёлым, грязным и невыносимо громким.

После её ухода камера показалась Каю гробом.

Он сидел в темноте — лампу под потолком выключили снаружи — и слушал, как в голове снова нарастает гул. Это было похоже на помехи в радиоэфире. Шорох, треск, отдалённые крики.

Дверь снова лязгнула. Это был не следователь.

В камеру вошёл охранник — тот самый, с небритым лицом. В руках у него был шокер, и кончик устройства слабо искрил в полумраке.

— Ну что, куздра, — охранник сплюнул на пол рядом с ногами Кая. — Наговорился со своей подружкой?

Кай промолчал. Он видел, что парень на взводе. Видимо, на ярусах что-то случилось — может, кудры снова ударили по конвоям, или просто у кого-то сдали нервы.

— Ты не думай, что её визиты тебя спасут, — охранник шагнул ближе, и Кай почувствовал от него запах перегара. — Дарен уже поднял вопрос на Совете. Никто не будет ждать целую неделю. Тебя выведут раньше, куздра. Намного раньше.

— Я знаю, — спокойно ответил Кай.

Охранник разозлился ещё больше. Он ждал страха, мольбы, может быть, попытки кинуться в драку. Спокойствие пленного его оскорбляло.

— Знаешь? Ни черта ты не знаешь. Знаешь, как это бывает? Тебя ведут по тоннелю, долго, пока не учуешь запах гнили. А потом просто хлопок — и темнота. И никто про тебя не вспомнит. Ни твои куздры, ни твои родители из оранжереи.

Охранник замахнулся, но бить не стал — видимо, поболся оставить следы перед завтрашним визитом следователя. Он просто ткнул шокером в стену рядом с головой Кая. Синяя искра осветила камеру на мгновение.

— Сдохнешь, как собака, — бросил охранник и вышел, с грохотом захлопнув дверь.

Кай остался в тишине. Гул в голове стал почти невыносимым.

Неделя. Или меньше, если этот Дарен добьётся своего.

Кай закрыл глаза и попытался вызвать в памяти её лицо. Её серые глаза, прокушенную губу, ту странную, лихорадочную нежность, с которой она на него смотрела. Кай поймал себя на мысли, что ему не так страшно умирать, как страшно

больше её не увидеть.

Он не хотел свободы, не хотел спасения.

Кай хотел, чтобы завтра она снова пришла и принесла с собой умиротворение, в котором можно было просто дышать.

ГЛАВА 6. ОТЕЦ

Рэй шла по центральному коридору Порога, и каждый шаг давался ей с трудом, словно она продиралась сквозь густой, липкий кисель. После часа, проведённого в абсолютной пустоте шестой камеры, база бокров казалась ей раскалённым котлом, полным криков.

В голову хлынул шум. Это не были чёткие фразы — скорее, бесконечный, неразборчивый гул тысяч сознаний.

«...опять датчик барахлит...»

«...хоть бы паёк не урезали...»

«...она опять на меня так посмотрела...»

К ней невольно липли чужие порывы — затаённые желания, смутные страхи и колючая бытовая злость, — оседая, словно тёмная сажа от изношенных, неисправных фильтров. Рэй прикусила губу, чувствуя, как знакомый «гвоздь» в основании черепа начинает пульсировать, ввинчиваясь всё глубже.

Она миновала столовую, откуда несло запахом пережаренных белковых брикетов и кислым духом невымытых тел. Здесь шум становился почти физически ощутимым — сотни людей, собранных в одном месте, создавали ментальный шторм, способный сбить с ног неподготовленного телепата. Рэй ускорила шаг, почти переходя на бег.

Лестница на нижние уровни была её единственным спа-

сением. Она нырнула в технический проем, и тяжёлая герметичная дверь с шипением закрылась, отсекая основную массу голосов. Здесь, в глубоких тоннелях, освещение было скудным — редкие лампы в пыльных плафонах едва разгоняли мрак. Воздух стал заметно холоднее и чище, в нем исчезли запахи кухни и жилья, остались только сырость камня и металлический привкус древней машинерии.

Рэй спускалась всё ниже. Решетчатые ступени гулко отзывались на каждый её шаг. С каждым пролётом шум в голове становился тише. Голоса бокров наверху превращались в далёкое эхо, в невнятный шелест листвы, который уже не мог причинить боли.

На глубине восьмидесяти метров тоннели изменились. Металлическая обшивка исчезла, уступив место голому камню Ланоксара — черному, слоистому монолиту, который, казалось, впитывал в себя любые звуки и мысли. Здесь начиналась территория Корвина. И здесь же обитало Гнездо. Рэй почувствовала его присутствие ещё до того, как увидела первый пост охраны: лёгкая, едва заметная вибрация в костях, похожая на зуд от заживающего ожога. Это было излучение артефакта — сила, которая создала её дар телепатии и которая теперь медленно убивала её отца. Для гномониконцев это был священный Источник, испускавший божественные искры и указывающий путь, для Корвина — объект изучения, а для Рэй — проклятие и дар одновременно.

Лаборатория Корвина напоминала нору безумного кол-

лекционера. Рэй протиснулась сквозь завалы из полуразобранных процессоров, мотков оптоволокна и каких-то странных, шероховатых на ощупь керамических плит. В воздухе стоял стойкий запах канифоли, озона и старой бумаги — отец был одним из немногих на Ланоксаре, кто до сих пор использовал бумажные блокноты для черновых расчётов.

Корвин стоял у огромного экрана, на котором медленно ползли зелёные кривые. Его спина, сгорбленная под старым комбинезоном, казалась пугающе узкой.

Рэй осторожно коснулась его сознания. Ничего нового. Отец выстроил вокруг себя идеальную защиту — не из ментальных блоков, а из бесконечных рядов чисел и формул. Его разум был похож на работающий на полную мощность калькулятор: если попытаться заглянуть глубже, ты просто тонешь в потоке данных о частотах, амплитудах и энергетических всплесках.

— Папа, — тихо позвала она.

Корвин не обернулся. Его костлявые пальцы быстро бегали по клавиатуре, вводя новые параметры.

— В шестом секторе Гнезда опять провал по частоте, Рэйна. Оно словно замирает на секунду, а потом бьёт с удвоенной силой. Я не могу поймать этот ритм.

— Папа, послушай меня, — Рэй подошла ближе и положила руку ему на плечо. Ткань комбинезона была холодной. — Я хотела спросить о том пленном. О «нулевом сигнале».

Корвин наконец замер. Медленно повернул голову. Его

глаза, обведённые тёмными кругами от бессонницы, сфокусировались на лице дочери.

— Твой аномальный пехотинец. Ты видела его сегодня?

— Да. Я провела с ним больше часа. Пыталась допросить.

— И? — в голосе отца проснулось сухое, исследовательское любопытство. — Ты нашла хоть одну зацепку? Хоть какую-то тень эмоции?

— Ничего, — Рэй покачала головой. — Но я заметила странную вещь. Когда я рядом с ним, моя головная боль проходит. Совсем. Как будто он поглощает всё излучение вокруг себя. Или блокирует его. Ты когда-нибудь встречал такое в своих архивах?

Корвин закусил ноготь, его взгляд снова уплыл куда-то в сторону графиков.

— Теоретически... древние тексты упоминают «пустые сосуды». Тех, кто невосприимчив к зову Гнезда. Но я всегда считал это метафорой. Если этот человек действительно не даёт отклика... это может означать, что его мозг работает на частоте, которую мы просто не умеем считывать. Или... — он замолчал, и в его мыслях на мгновение промелькнуло слово «инженерия», которое он тут же завалил грудой математических символов.

— Или что? — надавила Рэй.

— Или он — идеальный предохранитель, Рэйна, — Корвин посмотрел на неё слишком серьёзно. — Но предохранители создают для того, чтобы они сгорали при перегрузке. Не

привязывайся к нему. Что бы ты там ни чувствовала в этой своей тишине — это просто физика. Чистая, безжалостная физика.

— Пойдём, — Корвин кивнул в сторону тяжёлой свинцовой двери в конце лаборатории. — Мне нужно провести замеры, пока Гнездо в активной фазе. Тебе полезно будет... освежить восприятие.

Рэй неохотно последовала за ним. Контакт с Гнездом всегда был для неё испытанием.

Они вошли в огромную пещеру. Здесь не было ламп — всё пространство было залито тусклым, мертвенно-фиолетовым свечением, исходящим от центрального объекта. Гнездо висело в пустоте, удерживаемое мощными магнитными захватами, которые установил ещё дед Рэй.

Оно не было похоже на машину. Скорее на гигантское скопление черного органического коралла, пронизанного тысячами светящихся каналов. По этим каналам медленно пульсировала бледная субстанция, похожая на жидкий свет. Гнездо «дышало» — медленно, тяжело, и этот ритм отдавался в зубах Рэй мелкой дрожью. Для гномониконцев это дыхание было молитвой, зовом древнего божества, но Рэй слышала в нём лишь чужое, нечеловеческое безразличие.

Телепатический дар Рэй вспыхнул, реагируя на близость источника. Но это не было похоже на шум голосов бокров. Гнездо не мыслило словами. Оно транслировало чистую, первобытную мощь — образы звёздных взрывов, бесконеч-

ного холода пустоты и чужого, нечеловеческого одиночества. Рэй почувствовала, как её сознание начинает растягиваться, пытаясь охватить этот масштаб, и едва не закричала от боли.

Она подошла к самому краю смотровой площадки.

«...активация... наведение... сектор пять...» — обрывки мыслей отца пробились сквозь его математический щит. Рэй замерла. Он не просто изучал Гнездо. Он настраивал его.

— Что это за оборудование, папа? — она указала на новые блоки, установленные у основания артефакта. — Раньше их не было.

Корвин даже не вздрогнул. Его пальцы продолжали летать по сенсорной панели портативного сканера.

— Просто стабилизаторы частоты, Рэйна. Гнездо становится нестабильным. Если мы не научимся управлять его выбросами, Порог просто выгорит изнутри. Я спасаю наш дом.

Он врал. Рэй видела это не по мыслям — те были идеально чисты, — а по тому, как он избегал её взгляда. Корвин строил оружие. Древнее, страшное оружие, которое использовало её дар как запал. Гнездо отозвалось на её догадку коротким, яростным всплеском фиолетового света. Рэй отшатнулась, прижимая ладони к вискам.

В этот момент она остро, до слез, захотела оказаться в шестой камере. Там, где не было ни звёздных взрывов, ни лживого спасения дома, ни бесконечного долга. Там, где был только Кай и его благословенная пустота.

Шёл четвёртый день плена Кая. Из отведённой Хаксом

недели оставалось всего пять суток до казни.

На обратном пути, когда Рэй уже поднялась до жилых ярусов, её перехватил Хакс. Он ждал у входа в лифтовую шахту, тяжело опираясь на свою механическую руку. От него несло перегаром и старой кожей.

Мысли Хакса были горькими, как полынь. «Девчонка заигралась. Дарен мутит воду, Совет колеблется...»

— Рэй, — он преградил ей путь. — Зайди ко мне.

Они прошли в его тесный кабинет. Хакс сел за стол и налил себе из фляги, даже не предложив ей. Металлические пальцы левой руки нервно барабанили по столешнице — лязг, от которого у Рэй сводило челюсти.

— Совет сегодня гудел, — Хакс поднял на неё тяжёлый взгляд. — Твои отчёты о блокировке никого не впечатлили. Дарен заявил, что мы тратим пайковую норму на куздру, который просто водит нас за нос. Он требует вывести его на поверхность во время ближайшей бури. Показательная казнь.

Рэй почувствовала, как внутри всё леденеет.

— И что Бракка? Он же дал мне неделю. Прошло только два дня.

— Бракка стареет. Он удержал срок, но Дарен собирает сторонников. Если к концу недели у нас не будет координат их штаба в секторе разлома — Дарен получит своё шоу.

Хакс сделал глоток и поморщился.

Его мысль ударила её, как пощёчина: «Она защищает его. Почему она защищает врага? Дарен прав, что-то здесь не

так...»

Вслух он добавил:

— У тебя осталось пять дней, девочка. Буря на поверхности усиливается. Куздры подтягивают силы к южным шахтам. Нам нужна информация. Либо он заговорит к концу недели, либо сдохнет. Вспомни, кто ты такая. Ты — Голос бокров. А не нянька для наёмников.

Рэй стояла неподвижно, глядя на пятна ржавчины на столе Хакса. Пять дней. Часы тикали быстрее, чем она рассчитывала.

Она вышла из кабинета, чувствуя на себе подозрительный взгляд Хакса. Голова снова наполнилась шумом — голоса бокров в коридоре казались ей теперь не просто раздражающими, а враждебными. Они все хотели смерти пленного. Все, кроме неё.

Рэй знала, что не сможет вскрыть блок, которого нет. И она знала, что завтра снова пойдёт в шестую камеру.

ГЛАВА 7. СЛОВА ВМЕСТО МЫСЛЕЙ

Рэй шла по жилому яруссу Порога. Сегодня гул базы казался особенно зловещим. Вентиляционные шахты были на высоких нотах — верный признак того, что на поверхности Ланоксара разворачивалась очередная пыльная буря. Автоматика переходила в режим глухой изоляции, запечатывая людей под землёй.

Голоса бокров, запертых в скале, были пропитаны липкой, едкой тревогой.

«Лишь бы древние фильтры не встали, в прошлую бурю мы три дня блевали гарью...»

«Говорят, куздры перерезали кабели на северных насосах...»

«Скоро жратва кончится, караваны не пройдут через разлом...»

Чужой страх и мелкая бытовая злость проникали в сознание Рэй, отравляя его. Она до боли прикусила нижнюю губу. Воображаемый гвоздь в затылке пульсировал в такт её шагам.

У неё оставалось пять дней. Дарен, амбициозный командир пилотов, не хотел рутинной ликвидации пленного. Он метил на место Бракки и жаждал крови, которая сплотит

клан вокруг него. Его слова, полные обещаний силы и возмездия, находили отклик у многих, кто устал от неопределённости. Дарен хотел превратить казнь в манифест: куздру не просто расстреляют в камере, его выставят на поверхность в разгар бури. Бракка удержал срок в неделю, но давление росло с каждым часом.

Рэй свернула к пищевому сектору. Воздух здесь был влажным, тяжёлым и отдавал прогорклым маслом. Раздатчики, чья кожа лоснилась от осевшего на неё за смену кухонного жира и постоянного пара от огромных белковых чанов, лениво черпали серую массу утренней баланды. Рэй не стала вставать в очередь. Она дождалась, когда старший смены отвернулся к мойке, и быстро скользнула к запертым шкафам в задней части кухни. Её пальцы ловко приложили универсальный магнитный ключ-декодер. Замок тихо щёлкнул.

На полках лежали офицерские рационы — запечатанные в плотную фольгу брикеты с настоящим вяленым мясом, сушёными фруктами и энергетическими галетами. Дорогая вещь, которую бокры берегли для элитных пилотов вроде Дарена. Рэй схватила два пакета, сунула их за пазуху плотной куртки, застегнула молнию до подбородка и быстро отпрыгнула в сторону.

И уже через мгновение в голове вспыхнула мысль обернувшегося повара: «Стоп, дверца криво висит. Кто-то лазил? Если опять люди Дарена таскают пайки, я Хаксу пожалуюсь...»

Рэй ускорила шаг, смешиваясь с толпой техников в коридоре. Она спускалась к тюремному блоку, и её сердце билось о рёбра отчаянно и гулко, как пойманная в клетку птица. Каждый встречный охранник казался ей теперь угрозой.

У дверей шестой камеры стоял дежурный. Рэй прочитала его сгущающие, ленивые мысли. Он привык греть уши у металлической двери, выслушивая, как пленники ломаются под давлением Голоса.

— Отойди в конец коридора и проверь герметичность клапанов на стыке, — жёстко приказала Рэй, глядя охраннику прямо в глаза. — Этот пленный вчера пытался биться головой о дверь. Мне не нужно, чтобы кто-то входил во время допроса. И мне не нужны свидетели моих методов. Иди.

Охранник вздрогнул. Мысль о том, чтобы спорить с телепаткой, вызвала у него суеверный холодок. Он молча кивнул и зашагал прочь, скрываясь за поворотом.

Рэй приложила карту к сканеру. Дверь ушла в сторону. Она шагнула внутрь, и створка с глухим металлическим стуком отрезала её от базы.

Тишина накрыла её мгновенно. Боль в затылке исчезла, словно кто-то выключил рубильник.

Кай не спал. Он сидел на полу, прислонившись спиной к серому бетону. В тусклом свете мигающей лампы его скулы казались острее, а тени под глазами — чернее. Когда Рэй вошла, он медленно поднял взгляд.

Она подошла к столу в центре камеры. Расстегнула курт-

ку и вытащила два прямоугольных брикета. Бросила их на металлическую столешницу.

— Ешь, — сказала она почти шёпотом, помня, что звук может просочиться через вентиляционную решётку. — Тебе нужны силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.